

Финальный этап защиты на соискание Государственной стипендии за выдающиеся достижения проходил в небольшом, торжественно-строгом конференц-зале административного корпуса Университета Цинбэй. Темно-красный ковер поглощал звуки шагов, за массивным круглым столом из цельного дерева сидели пять членов жюри с непроницаемыми лицами, а воздух был пропитан незримым, гнетущим напряжением.

Фан Синхэ был одет в свой единственный приличный костюм. Мать, Чжоу Хуэй, купила его перед окончанием школы, выложив за него почти половину своего месячного заработка. Ткань была самой обычной, крой — далеко не идеальным, но Фан Синхэ старательно отгладил его утюгом с теплой водой, так что на пиджаке не осталось ни единой складки.

Эту одежду он надевал только в самых важных и официальных случаях. Сидя на стуле в зоне ожидания, он машинально потирал колени, на которых лежал текст выступления, переписанный бесчисленное количество раз и выученный практически наизусть. Ладони увлажнились от пота.

Он слишком долго готовился к этому дню. Не только освежал в памяти профессиональные знания, но и часами стоял перед маленьким зеркалом в общежитии, отрабатывая манеры, темп речи и взгляд. Он был уверен, что глубоко постиг саму суть стипендии — поощрение талантов, помощь нуждающимся и стимулирование инноваций. Он верил, что его зачетка, с таким трудом написанная статья для профильного научного журнала и пусть не богатый, но реальный опыт общественной деятельности — всё это станет веским аргументом в его пользу. Для него это были не просто деньги, а признание всех прошлых усилий, лучик надежды на будущее для них с матерью.

— Следующий, студент первого курса экономического факультета, Фан Синхэ, — негромко позвал сотрудник у дверей.

Фан Синхэ глубоко вдохнул, встал, поправил воротник и как можно увереннее зашагал в зал.

Он отвесил глубокий поклон судьям и встал на отведенное для выступления место. Свет ламп слепил глаза, и он отчетливо слышал, как сильно бьется сердце в груди.

— Добрый день, уважаемые преподаватели. Я Фан Синхэ, студент первого курса экономического факультета. Тема моего выступления сегодня... — начал он. Сначала в голосе проскользнула едва уловимая дрожь, но вскоре, погрузившись в материал, он вошел в ритм. Речь его была четкой и логичной, данные и теории — к месту, а в словах сквозила искренняя любовь к экономике и ясное видение своего академического пути. Когда он заговорил о том, что значит эта стипендия для его учебы, семейного бюджета и будущего вклада в общество, его тон стал искренним и твердым. Никакого давления на жалость — лишь спокойная решимость человека, привыкшего нести свой груз.

На судейской скамье профессора, особенно заместитель декана Чжан, который хорошо знал Фан Синхэ, смотрели на него с нескрываемым одобрением и время от времени согласно кивали. Сердце Фан Синхэ немного успокоилось, надежда казалась такой близкой.

По регламенту после самопрезентации следовал блок вопросов. Первые из них касались выступления и профессиональных знаний — Фан Синхэ отвечал легко и уверенно, демонстрируя глубокую подготовку.

Однако, когда он уже решил, что всё прошло успешно, один из приглашенных судей, сидевший с самого края — пожилой ученый с седыми волосами и в очках в золотой оправе, с крайне суровым выражением лица — после вопроса о теории внешних эффектов поправил очки, и тон его внезапно изменился, став тяжелым:

— Студент Фан Синхэ, ваша успеваемость и выступление действительно произвели на нас глубокое впечатление, можно сказать, вы очень способный студент.

После похвалы последовал удар. Сердце Фан Синхэ сжалось.

Острый взгляд пожилого ученого пронзил его сквозь линзы очков:

— Однако, присуждая государственную стипендию, мы оцениваем не только оценки, но и комплексные качества студента, его моральный облик. Мы требуем, чтобы кандидат вел здоровый образ жизни и был примером для всего университета.

Он сделал паузу, словно подбирая слова, но каждое из них падало на сердце Фан Синхэ, как молот:

— Наша комиссия недавно получила... скажем так, отзывы из разных источников. В них упоминается, что вы в последнее время довольно часто участвуете в мероприятиях вне стен университета, особенно в ночное время. Конечно, хорошо, когда студенты используют свободное время для контактов с обществом и развития навыков, но во всем нужна мера. Нас беспокоит, не влияют ли эти занятия на вашу учебу? Соответствует ли это имиджу стипендиата? Есть ли вам что сказать комиссии на этот счет?

Слова ночные мероприятия прозвучали как ледяная молния, поразившая Фан Синхэ. Казалось, кровь в жилах застыла, а конечности онемели.

Бар!

Это мог быть только бар Призрак!

Он скрывал это так тщательно, что даже Линь Хао, его самый близкий друг, знал лишь, что он подрабатывает по вечерам, но где именно и чем занимается — не догадывался. Фан Синхэ молчал, опасаясь недопонимания и лишних проблем. Как это могло... как это дошло до комиссии? И почему в такой двусмысленной, но убийственной форме?

Волна шока и обиды накрыла его с головой, он едва устоял на ногах.

Он подавил подступивший к горлу ком и желание оправдываться, сильно ущипнув себя за руку. Острая боль помогла немного прояснить мысли.

Он глубоко вздохнул, заставил себя поднять голову и встретиться взглядом с пожилым ученым, а затем обвел глазами остальных судей — заместитель декана Чжан слегка нахмурился, в его взгляде читались удивление и сочувствие; остальные сидели с суровыми лицами, ожидая ответа.

Голос Фан Синхэ звучал низко из-за попыток сдержать гнев и напряжение, но каждое слово было отчетливым:

— Благодарю вас за этот вопрос и проявленное внимание.

Он вежливо ответил, выпрямил спину и честно посмотрел на судей:

— Я признаю, что из-за тяжелого финансового положения в семье мне приходится подрабатывать в свободное время, чтобы оплачивать часть расходов на жизнь и учебу. Это действительно отнимает часть времени на отдых.

Тон его стал твердым:

— Однако я могу со всей ответственностью заверить вас: во-первых, вся моя подработка ведется без ущерба для занятий, самостоятельной подготовки и выполнения учебных заданий. Моя посещаемость, домашние задания и результаты экзаменов могут быть проверены в любое время и в любой форме. Во-вторых, я строго соблюдаю устав университета и никогда не участвовал в сомнительных или неправомерных мероприятиях. Мой доход — это результат честного труда.

Он произнес почти по слогам:

— Для меня учеба всегда была и будет на первом месте. Я дорожу этой возможностью и никогда не поставлю второстепенное выше главного.

Его ответ был достойным и аргументированным, он пытался прояснить ситуацию фактами.

Однако пожилой ученый лишь бесстрастно произнес: — Понятно, — что-то записал в блокнот и больше не задавал вопросов.

Профессор Чжан бросил на него сложный взгляд, в котором смешались сочувствие, бессилие и легкое сожаление. Атмосфера в зале из-за этого эпизода стала вязкой и тяжелой.

Защита закончилась.

Фан Синхэ поклонился и вышел.

В тот момент, когда он покинул конференц-зал, ему показалось, что он пережил тяжелый бой. Он был опустошен, рубашка на спине насквозь промокла от холодного пота. Свет надежды еще мерцал перед глазами, но на нем уже пролегла глубокая трещина.

Наступили три дня мучительного ожидания. Фан Синхэ почти не мог учиться, постоянно проверяя уведомления на сайте факультета. Он успокаивал себя: правда всегда всплывет, мои оценки и достижения на виду, судьи должны принять справедливое решение. Возможно, это было просто недоразумение.

Однако через три дня после обеда итоговый список опубликовали на сайте и на доске объявлений. Фан Синхэ почти бегом бросился к ней. В красном списке было немного имен. Его взгляд лихорадочно скользил по строчкам: первое, второе... Нет! Он перечитал список еще раз, тщательно, имя за именем, боясь пропустить. Но даже дойдя до конца, он не увидел там имени Фан Синхэ.

Студент, получивший стипендию, был ему знаком. У него были неплохие оценки, он входил в пятерку лучших на курсе, но по сравнению с Фан Синхэ — и по среднему баллу, и по уровню научных публикаций, и по ценности социальной деятельности — разрыв был очевиден.

В одно мгновение силы покинули его.

Он застыл перед доской, уставившись на этот ослепительно красный лист бумаги, словно перестал понимать смысл написанных на нем иероглифов. Голоса студентов, их поздравления — всё стало далеким и невнятным, будто доносилось сквозь толстое стекло. Холодное, отдающее металлом отчаяние начало медленно, но верно расползаться от самого сердца, сковывая тело.

Он потерял не просто стипендию, способную изменить его жизнь. Он потерял веру. Он наивно полагал, что в этом относительно справедливом университетском мире достаточно просто усердно трудиться и быть лучшим, чтобы победить в честной гонке и заслужить уважение.

Но теперь какой-то туманный, не подтвержденный фактами отзыв, несколько легких, лицемерно-заботливых вопросов — и всё: его ночные бдения, его экономия на еде, его упорство оказались перечеркнуты.

— Синхэ! Синхэ! — прибежал запыхавшийся Линь Хао. Видимо, он только что узнал новости. Он схватил Фан Синхэ за плечо, его лицо выражало невероятный гнев: — Какого черта?! Почему тебя нет в списке?! Этот старик Ван совсем выжил из ума? Из-за его пустой болтовни тебя отсеяли? Тут точно есть какая-то гниль! Пойдем! Найдем профессора Чжана! Подадим апелляцию! Это несправедливо!

Фан Синхэ медленно повернулся к возмущенному Линь Хао. Его лицо было бледным, как

бумага, губы плотно сжаты, а в глазах, обычно таких ясных, сейчас застыли шок, разочарование и... глубокая, бездонная усталость, какой Линь Хао никогда прежде не видел.

Он тихо, почти без сил, покачал головой:

— Бесполезно, Хаоцзы.

— Как бесполезно?! Ты хочешь оставить всё как есть?! — Линь Хао покраснел от ярости.

Фан Синхэ посмотрел поверх плеча друга на серое небо. Его голос звучал глухо и безнадежно:

— Апелляция? С чем мы пойдем? Где доказательства? Как мы докажем, что эти отзывы — пустой звук? Где черным по белому написано, что отбор был нечестным?

Он сделал паузу, и уголки его губ дрогнули в горькой, болезненной усмешке:

— Есть силы, которые могут менять всё, не оставляя никаких следов.

Перед глазами невольно возникли ледяные, властные глаза Хо Чжао, казалось, способные контролировать всё на свете. Те самые глаза, что рассматривали его в мерцающем свете бара, что предлагали ему «щедрые дары» и «возможности», а после отказа превратились в холодный лед.

Оказывается, это был не конец. Это было только начало.

Оказывается, настоящий удар может быть нанесен так точно, так «по правилам» и так... беспощадно, что сопротивляться не остается сил.

<http://bllate.org/book/19580/1920031>